

УТВЕРЖДАЮ

Директор ФГБУН Институт славяноведения РАН
доктор исторических наук

К. В. Никифоров
К. В. НИКИФОРОВ

«31» мая 2016 г.

ОТЗЫВ

о диссертации Мантовой Юлии Борисовны
«Путешествия в византийской агиографии IX–XII вв.: Особенности
художественного воплощения»,

представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.14 — Классическая филология. Византийская и новогреческая филология

Формально посвященное узкой даже по меркам византиноведения теме художественного воплощения мотива путешествий в средневизантийской житийной литературе, диссертационное исследование Ю. Б. Мантовой, в действительности, поднимает пока не имеющий окончательного решения вопрос о возможности проследить эволюцию поэтики, настойчиво декларирующего верность традиции и, казалось бы, застывшего в неизменности жанра византийской агиографии. Уже первое положение, выносимое диссертантом на защиту (С. 29), говорит не столько о мотиве путешествий как таковом, сколько об «индивидуальной манере» агиографов, «свободе», с которой они «преодолевали традиции» и играли с «горизонтами ожиданий» читателя. На протяжении работы автор вновь и вновь возвращается к так волнующим его вопросам авторского присутствия в тексте, соотношения топического и авторского, взаимодействия подражательного и оригинального, «эволюции литературного штампа» (С. 152), игры авторских и читательских ожиданий, тем самым помещая свою работу в контекст новейших исследований византийской литературы (см., например: *Imitatio – aemulatio – variatio: Akten des internationalen wissenschaftlichen Symposiums zur byzantinischen Sprache und Literatur* (Wien, 22.–25. Oktober 2008) / Hg. A. Rhoby, E. Schiffer. Wien, 2010; *The Author in Middle Byzantine Literature: Modes, Functions, and Identities* / Ed. by A. Pizzone. (Byzantinisches Archiv 28). Berlin, 2014). Такой подход, несомненно, свидетельствует об актуальности исследования. Излишне говорить, что тема, которой занимается автор диссертации, в узком смысле, то есть художественное отображение путешествий в житийной литературе, никогда не становилась предметом специального рассмотрения ни в отечественной, ни в мировой науке. Немногочисленные существующие на сегодняшний день работы, посвященные путешествиям в агиографии, носят большей частью исторический характер, поэтому новизна и оригинальность исследования не вызывают ни малейших сомнений.

Диссертация (общим объемом 163 стр.) соответствует всем формальным требованиям, предъявляемым к научно-квалификационным работам такого уровня: она содержит Введение, 4 главы Основной части, Заключение и частично аннотированный библиографический список, содержащий ок. 60 наименований источников и ок. 90 наименований научной литературы на русском, английском, немецком и французском языках.

Во Введении особо ценен раздел, посвященный источникам (С. 17–28). Тексты, которые будут в дальнейшем подвергнуты анализу, расположены, насколько это возможно, в хронологическом порядке. Из всего массива средневизантийской агиографии автор выбирает 36 текстов, относящихся к разным жанровым подтипам (например, помимо пространных житий учтены слова на перенесение мощей) и написанных в разных стилистических регистрах. Все источники кратко охарактеризованы и снабжены приблизительной датировкой. Очевидно, что погружение в частные источниковедческие вопросы ненужным образом утяжелило бы работу и помешало бы читателю следить за ее основным сюжетом. Вместе с тем нельзя забывать, что данные справочника, сопровождающего электронную базу данных *Dumbarton Oaks Hagiography Database*, на которые в первую очередь опирается диссертант, в некоторых случаях устарели и нуждаются в проверке. Датировки, авторство, а главное, — взаимные отношения некоторых текстов, учтенных диссертантом, в последние годы были пересмотрены. Например, это касается трех житий Феодора Студита: вопреки утверждениям диссертанта на С. 19, версия Михаила Монаха создана не в IX, а в X в., как и 2 ее последующие переработки (см.: *Krausmüller D. The Vitae B, C and A of Theodore the Stoudite: Their Interrelation, Dates, Authors and Significance for the History of the Stoudios Monastery in the Tenth Century // Analecta Bollandiana. 2013. Vol. 131. Issue 2. P. 280–298*).

Глава 1 посвящена тому, как в агиографических источниках представлены основные «элементы природного и антропогенного ландшафта». Здесь особенно ценны и убедительны рассуждения автора об амбивалентности топоса и возможностях, которые эта двойственность открывает для авторской игры с ожиданиями читателя. В качестве примера рассмотрен образ пустыни, которая, в зависимости от авторского замысла, может оказываться и местом желанного уединения и отдохновения от мирской суеты, и средоточием опасностей и невзгод (С. 31–37). На наш взгляд, было бы интересно сравнить выводы этого раздела с наблюдениями, которые делает М. Кулханкова в новейшей, основанной на нарратологическом подходе, работе о «построении пространства» в ранневизантийских душеполезных историях (*Zwischen Wüste und Welt: Die Konstruktion des Raumes in den Byzantinischen erbaulichen Erzählungen // BZ. 2015. Bd. 108. Heft. 2. S. 715–734*).

Заметим, что литературный взгляд диссертанта не мешает ему при анализе памятников учитывать и внехудожественные параметры, такие как исторические обстоятельства возникновения текста, сведения о его заказчиках, церковно-политической лояльности автора и проч. Так, например, рассуждая о причинах появления в версии Жития ап. Андрея Никиты Давида Пафлагона пространного

экфрасиса одного из селений в Пафлагонии, диссертант говорит о том, что автор жития был приглашен в это селение, чтобы произнести речь в честь святого, а значит, экфрастический фрагмент служит своеобразной платой за гостеприимство (С. 54–55).

Весьма интересны наблюдения автора над созданным в нарушение привычных жанровых конвенций и глубоко авторским Житием Феоктисты Лесбосской Никиты Магистра, в котором чувствуется, с одной стороны, знакомство с риторическими традициями античного экфрасиса (С. 57–58), а с другой — в удачной формулировке диссертанта, — «ощущение субъективно пережитого автором пространства» (С. 124), подготавливающее почву для неагиографической византийской литературы о путешествиях XII в. Возможно, эти рассуждения стоило бы дополнить сравнением с версией Жития, созданной Симеоном Метафрастом. Это Житие, несмотря на всю свою необычность, было включено в минологическое собрание Симеона практически без изменений. Как известно, Симеон не смог (или не захотел?) разобраться в сложной системе повествовательных инстанций этого сочинения, что привело к парадоксальным ошибкам со стороны его биографа Михаила Пселла, который в XI в. приписал своему герою поступки, совершенные одним из повествователей исходной версии Жития. Привнес ли Симеон какие-то изменения в описания природы и архитектуры, встреченные им в первоначальной версии? Если да, в чем они заключались? Если нет, почему он так поступил? Попутно заметим, что диссертант упустил из виду важную работу о литературных особенностях Жития Феоктисты, в которой подробно анализируется архитектурное описание, приведенное на С. 57–58, при этом автор статьи отмечает ускользнувшие от внимания диссертанта параллели с романом Ахилла Татия (*Jazdzewska K. Hagiographic Invention and Imitation: Niketas' Life of Theoktiste and Its Literary Models // GRBS. 2009. Vol. 49. P. 257–279, особ. p. 264–267*).

Главу 2, посвященную метафоре пути, отличает сильная методологическая база, которая потребовала специального вводного раздела с объяснением терминологии и концептуальных основ современной теории метафоры (С. 63–64). Отметим как удачные рассуждения автора о литературной игре, возможной благодаря совмещению прямого и переносного смыслов (С. 70–71). Вместе с тем заметим, что глава в целом кажется несколько инородной для диссертации — потенциально она могла бы развиваться в полноценное самостоятельное исследование, а пока вызывает недоуменные вопросы: сколько в этой образности именно византийского? Именно агиографического? Ссылки на античную метафору «золотой середины» (С. 73) убедительны, но явно недостаточны.

В Главе 3 весьма интересны рассуждения о скепсисе византийских читателей по отношению к описаниям чудес, с которым приходилось сталкиваться византийским агиографам (С. 79–80). Также примечательны примеры описаний чудес, совершаемых благодаря заступничеству святого, в которых агиограф сознательно противопоставляет *expressis verbis* способ совершения чуда в данном случае и в ветхозаветном первоисточнике (С. 75). А примеры необычных, выбивающихся из общего ряда чудес (чудо о спасении от зноя в морском пути —

С. 94–95; сложносоставное чудо в Житии Иоанникия о потере ориентации в пространстве — С. 97–98) подтверждают тезис диссертанта о подвижности конвенций топоса и невозможности создать единую всеобъемлющую типологию чудес, которая не была бы упрощением, нивелирующим авторскую индивидуальность (С. 98). В то же время нельзя не предостеречь диссертанта от некоторой механистичности изложения: очевидно, что у средневекового автора не было заранее очерченного перечня художественных средств и топосов, от которого он мог по собственной воле отступить или, напротив, которому мог слепо следовать. Агиография — не тот жанр, для которого отступление от канона так легко проверить, поскольку она не рассматривается в античной риторической теории. Необходимо помнить, что все каноны агиографии (в отличие, к примеру, от канонов энкомиастической литературы или экфрасисов), имеющиеся в нашем распоряжении, — это современные обобщения материала, а не византийские пособия по агиографии.

Глава 4 содержит программные положения работы. Согласно выводам диссертанта, с которыми мы склонны согласиться, с IX по XII в. в византийской агиографии можно отметить постепенный рост описательности в отображении путешествий святых, и такие описания становятся средством психологизации и субъективизации повествования. Главу отличают показательные примеры (контекст, где автор Жития Леонтия Иерусалимского словами Аристотеля эксплицитно рассуждает о радости путешествия — С. 142–143), интересные реконструкции психологии агиографа (случай Жития Григория Акрагантского, в котором автор чувствует потребность придать путешествию какой-то объем и неумело делает это, заполняя «пространство» между точками маршрута хронологическими индикациями — С. 112–113), а в случае с источниками XII в. — убедительные параллели с современными им неагиографическими рассказами о путешествиях (С. 143–144).

Ценность работе придает решение диссертанта строить свои рассуждения на основе анализа нескольких версий одного и того же памятника (С. 118–122). В первую очередь, это переработки Симеона Метафраста, как правило, остающиеся в тени при литературном анализе исходных версий, но также и сочинения Никиты Давида Пафлагона, и различные редакции Житий апостола Андрея (С. 125–135). Сравнение нескольких редакций одного памятника (в том случае, когда достоверно установлена их относительная хронология) может пролить свет на то, как менялись эстетические запросы читающей византийской публики. Диссертант прекрасно осознает, что византийская культура (что особенно ярко видно на примере агиографии) — это культура непрерывного подстраивания под меняющиеся вкусы, культура метафразирования (подчас даже не единичного, а двойного, как в уже упоминавшемся случае с Житиями Феодора Студита или в случае с Житиями Иоанникия Великого), и ключ к пониманию византийской литературной эстетики лежит в подходе прямо противоположном тому, что в свое время использовала критическая агиография. Фокус внимания должен быть смещен с поиска самого раннего и близкого к времени жизни героя текста на более поздние популярные переработки, пусть даже они заведомо менее

достоверны с исторической точки зрения, а на вкус современного читателя менее совершенны.

К несомненным достоинствам диссертации следует отнести переводы с греческого, выполненные по большей части самим автором работы. Диссертант, вынужденный работать с текстами, созданными в разных стилистических регистрах, внимателен к нюансам греческого синтаксиса и словоупотребления. Однако решение не всегда сопровождать цитаты в переводе оригинальным греческим текстом кажется спорным: с одной стороны, это упрощает чтение работы и помогает читателю более внимательно следить за линией аргументации, а с другой, — затрудняет оценку качества перевода. В некоторых случаях перевод очевидно нуждается в правке:

С. 75–76: «εἰς προσευχὴν ἔσθη» значит не «стал молиться», а «остановился для молитвы»; «μετὰ τὴν εὐχὴν» значит не «с молитвой», а «после молитвы»; пропущено «ἐπὶ τῆς ἡλείου» («на суше»);

С. 100: «τὸ δ' αὐτὸ» значит не «именно это», а «то же самое».

А в одном случае (С. 80–81, фрагмент из Жития Германа из Козиницы), как кажется, автор существенно исказил смысл приведенного отрывка: «ποιοῦνται τὰ συναλλάγματα» значит «заключают сделки», а не «претерпевают смену», при этом Gen. «холода и жары» управляются глаголом «κατατολμῶσι», а не относятся к «сυναλλάγματα»; «ἐπάγειν» значит не «упомянуть», а «причинять» или «навлекать», при этом является предикатом к «ὄσαπερ». Таким образом, начало пассажа, переведенное «Ведь купцы отваживаются преодолевать огромные морские расстояния, а некоторые на суше претерпевают смену жары, и холода, другие мучения и немалые опасности, множество которых можно упомянуть...», должно звучать примерно так: «...если уж купцы вступают в схватку с самим морем, преодолевая огромные морские расстояния, а те, что заключают сделки на суше, — с жарой и холодом и прочими [ненастьями], которые навлекают множество напастей...». Дальнейший перевод также нуждается в редакции, например, «παραινέσεσι... πειθόμενος» значит не «уверившись примером», а «послушавшись увещаний».

В заключение укажем на ряд незначительных недочетов, не портящих общего благоприятного впечатления от работы и ни в коей мере не ставящих под сомнение обоснованность выводов, к которым приходит диссертант:

С. 12–13: дана противоречивая библиографическая информация о том, в каком сборнике опубликована статья М. Маллетт, — согласно С. 12, прим. 19, это сборник *Travel in the Byzantine World*, согласно С. 13 — выпуск *Dumbarton Oaks Papers*;

С. 19: формулировка «ревнителю православия» применительно к защитникам иконопочитания не вполне корректна, поскольку отражает полемическую стратегию одной из сторон конфликта;

С. 58: в основном тексте идет речь о похвальном слове Макарию, а в соответствующем примечании (прим. 137) — о Маркиане;

- С. 121: при анализе эпизодов с драконом из Житий Иоанникия Великого следовало бы учесть новейшую статью Д. Е. Афиногенова на эту тему (Преподобный Иоанникий и пещерные гады // ВДИ. 2015. Вып. 1 (292). С. 87–93);
- С. 125: ошибочно указан номер по справочнику ВHG для Жития апостола Андрея Симеона Метафраста: вместо ВHG 100 должен значиться ВHG 101 (вероятно, указание заимствовано из издания А. Ю. Виноградова, где также на С. 51 и 88 ошибочно указан ВHG 100);
- С. 154: напечатано Επιτηρίς вместо правильного Επετηρίς.

Тем не менее, все высказанные претензии и пожелания не снижают высокой оценки диссертации Ю. Б. Мантовой. Автореферат полностью отражает содержание работы. Диссертация «Путешествия в византийской агиографии IX–XII вв.: Особенности художественного воплощения», является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение задачи, имеющей существенное значение для византийской филологии, диссертация соответствует требованиям, предъявляемым п. 9 и 10 «Положения о порядке присуждения ученых степеней» ВАК Министерства образования науки РФ, а Ю. Б. Мантова заслуживает присуждения степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.14 – «Классическая филология. Византийская и новогреческая филология».

Отзыв составлен кандидатом филологических наук, научным сотрудником Института славяноведения РАН Л. В. Луховицким.

Отзыв на диссертацию обсужден и утвержден на заседании Отдела истории средних веков Института Славяноведения РАН (протокол № 37 от 31 мая 2016 г.).

Заведующий Отделом истории средних веков
ФГБУН Институт славяноведения РАН
Доктор исторических наук
член-корреспондент РАН
Б. Н. Флоря

Подпись Б.Н. Флоря удерживается

ВЕРНО: Заведующая кадрами <i>Людмила Куренная</i> 31. мая 2016 г.

Луховицкий Лев Всеволодович, кандидат филологических наук

Место работы: Институт славяноведения РАН.

Должность: научный сотрудник.

Почтовый адрес: 127083, Москва, ул. Мишина, д. 39, кв. 51.

Электронная почта: lukhovitskiy@gmail.com.

Публикации:

- 1) Споры о святых иконах при Алексее I Комнине: Полемические стратегии и выбор источников // Византийский временник. Москва, 2014. Т. 73 (98). С. 88-107.
- 2) Nikephoros Gregoras' Vita of St. Michael the Synkellos: Rewriting Techniques and Reconstruction of the Iconoclast Past in a 14th cent. Hagiographical Metaphrasis // Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik. Wien, 2014. Bd. 64. S. 177-196.
- 3) «Те, кого соединил не Бог, но Дьявол, должны вместе отвесть одних стрел и ран»: обвинение в иконоборчестве у Никифора Григоры // Античная древность и средние века. Екатеринбург, 2015. Вып. 43. С. 243-263.